

Николай Успенский

Хорошее житье

Николай Васильевич Успенский

Хорошее житье

«Целовальник с подстриженной бородкой, одетый в синюю суконную чуйку, распахнувшись и упершись левой рукой в свое колено, сидел за столом против своего приятеля, низенького мещанина, который пристально смотрел ему в лицо и курил трубку. Дело происходило за двумя бутылками пива...»

**Николай Васильевич
Успенский
Хорошее житье**

Целовальник{1} с подстриженной бородкой, одетый в синюю суконную чуйку{2}, распахнувшись и упершись левой рукой в свое колено, сидел за столом против своего приятеля, низенького мещанина, который пристально смотрел ему в лицо и курил трубку. Дело происходило за двумя бутылками пива.

– Да, братец ты мой, такой жисти, кажись, не будет супротив той, как я служил целовальником в Покровском... Нет!..

– Ты ведь перва был приказчиком у какого-то купца?

– Как же, как же... три года выслужил в Ливнах.

– Ну, а как торгашом-то сделался?

– Попросту: стало быть, сказать тебе по секрету, у хозяина поддели на Егорьев день{3} пудов шесть сахару, чистого рефинаду.

– Вот как! и сделался торгашом?

– И сделался торгашом. Да что! должность самая пустая эта, Иван Иваныч. И какой случай, сударь мой: прихожу опосле к одному купцу пайматься, в сидельцы, – «нет, говорит, мне таких не надо». А хозяин, тресни его бока,

все расписал про меня; вся причина, толсто-брюхой вникнуть не мог, как было дело: воровал-то не я, значит, а товарищи; я только принимал. Прихожу к другому, тот говорит: «Не надо!» Бился, бился, так приписался в торгаша. Что сделаешь! Близко локоть, да не укусишь.

– Эвто точно...

– Бывало, едешь, едешь с горшками али с дегтем, смехота, ей-богу!.. орешь, хочь бы те на грош кто купил. К примеру, в рабочую пору: в целом селе ни души. Горланишь: «Соли, дегтю, табаку, мол, лежит баба на боку». Хоть что хочешь делан! ей-же-ей... индо горло распухнет кричамши. На твое зеванье только собаки вякают.

– А никак, Андрей Фадеич, тут прибаутки какие-то читают! Мне их не приходилось знать.

– Есть и прибаутки, там: «Ей тетки, молодки – охотницы до водки, старые старухи – охотницы до сивухи...» Мало ли! Да все пустое, Иван Иваныч. Я б, кажется, теперича не взял тысячи рублей ездить опять по деревням да распевать эти прибаутки. Вот целовальни-

чья жизнь! аи лгали!.. надо прямо говорить.

– За что тебя сменили?

– Вспоминать не хотца! (целовальник шепчет на ухо мещанину): то есть в моем кабаке убийство приключилось... ну и...

– М-м...

– Да я не роблю; разве я роблю? У меня опять будет место, целовальничье же, и скорехонько.

– В Запиваловке?

– В Запиваловке. Говорят, кабак не плоше нашего Покровского... пьяниц довольное множество.

– А видно, хорош был кабак в Покровском? Расскажи-ка мне что-нибудь про него.

– Одолжи-ко мне своей трубочки... что-то в горле першит. Год назад я хам сидел. Слободка порядочная; народ все однодворцы{4}, такие забубённые головы... люди важные! Вся причина, Покровский народ пить здоров. – Уж как пойдет пьянствовать – держись шапка. Оттыкай бочки!.. жену пропить готов совсем с утварью. И житье, Иван Иваныч, было расчудесно: благоприятели, мужики-то... Вот сказывают целовальники, что на больших до-

рогах, говорят, на хлеб не добудешь... а тут знай разевай пошире рот... Оно хоть и сменили меня, не замай! лучше авось не сыщут. Но не кто живет по чести? бают: «Своя рубашка к телу ближе». Так ли?

– Подлинно, Андрей Фадеич.

– Как же можно? Да ты, братец мой, рассуди: теперича идет мужик в кабак, несет он, положим, полушубок али везет телегу, телега новая, колеса шинованные, недавно обтянул, просит: «Дай ведерку!..» Ну с чего же не дать? и-их! По мне, вещь ли хорошая, деньги ли, статья одна: что в лоб, что по лбу, все едино! Перва-наперво я, как только поступил в кабак, тоже почеремонился, не хотел брать... Приводит мужик теленка, – говорю: «Ты отвяжись от меня лучше... здесь кабак, не скотный двор». Он вдруг на меня: «Да ты что ж куражишься? первый ты у нас, что ли? законодатель, вишь, пришел; до тебя небоись жил целовальник, не токмо телят, лошадей принимал». Точно, принимал лошадей. Думаю: «Что же?..» – и пошел с того времени, да как пошел... хе, хе, хе... благодарствуют мужики... кланяются, кричат: «Отец!», – примутся иную

пору обнимать, ей-богу! «Вот так боготворитель, вот защититель! отцов таких мало...» Смотрю на них, смеюсь...

Сидишь иногда эвтак, помышляешь: что значит поставить кабачок-то родной в селе, что твой улей с медком; ишь льнут!.. со всех сторон; отбою нет... завсягда народу злей, чем па ярмарке. Поди же в поле, на большой дороге... разя уж стыдь{5} загонит какого проезжего, и тот – выпил шкалку, косушку{6} много, закусил крендельком и марш вон: ты жди.

И такое диво, Иван Иваныч: наш священник раз до трех пытался снести кабак в сторону, подальше от села: говорит, на церковной земле стоит, помнишь, истребить задумал пьянство и подавал куда-то прошение – нет! о сю пору стоит себе, дескать, мне и тут хорошо... Как следует быть, приезжали судьи, мерили землю (в акурате у меня попили). Говорят священнику, Лександром его звали, Погожев прозывался: «Дело твое, бачка, маленько с хвостиком; кабак на пол-аршина стоит от церковной земли; законное он место занимает». Бачка и остался, кабысь несолоно хлебал.

Опосле почал в церкви гласить проповеди, увещает мужиков: «Что вам, православные, кабак-то, сласть какая, что ли?» Мужики слушают...

Вспомнил я про одного мужичонка, пьяница был, оторви голова! и плутина... бесперечь сидит на своем крыльце, выжидает: как бы где ломануть?.. с кабака глаз не сводит. Кабак же, надобно тебе сказать, стоял на самом на юру, ровно среди улицы. В тихую погоду я возьму нарочно выдвину из сеней бочки, что были с вином, всполосну их, да с боку на бок переворачиваю, и-и-и запах идет... а мужик сидит...

Одна в воскресенье заблаговестили к обедни, тронулся народ, эв тот мужик тоже: честь честью вышел из двора, снял шляпу, перекрестился и бредет, словно к обедни. Отошел чудок, да как вдарится к кабаку и прилетел, говорит: «Давай скорей!» – вынимает подпояску. Смотрю, дверь отворилась, бежит его жена, цап его за виски, кричит: «Вор, мошенник, куда те родимец занес?». Схватила его, давай куделить... Сама ведет вон. Меня смех так и разбирает. Что же? убежал-таки. Ну мы

с мим тут посмеялись порядком; говорит: «Баба дура, нешто она понимает!..»

Главная вещь, доложу тебе, кабачок был самою что ни на есть благостынею, истинно тихая пристань. По этому случаю он не токмо что для выпивки находился, а как палата какая. Там и суд, и питра, и все: уж ежели задумали порешать какое дело, сейчас все гурьбой идут к кабаку, почему что нет места тоже; чувства такого нет в другом месте. У них, знаешь, всеми вещами орудует ихняя сходка. Сходку собирает староста: с прутиком, понимаешь, расхаживает; за ним дела больше никакого нет. По правде сказать, пустая башка. А повыше там есть еще начальство: писарь, старшина, голова. Эвти жили не в нашем селе, а верст за пять, в деревне Анишине: в Анишине опять есть кабак и гульба такая же, как у нас: в частую сам голова сберет мужиков к кабаку, на ихний счет нарежется и растянется; а мужики над ним песни поют; голова только бормочет: «Хорошенько, ребята!» Наша сходка почесть никогда не обращалась к начальству, кроме как ежели убийство, пожар сотворится где; сами все обделывали. Да

ведь, поди, к примеру, покража учинилась, поди проси голову: сперва надо его небоись упоштовать, – упоштвуй; а там он пошлет к старшине; эвтого тоже падыть уботворить; а там привяжется писарь – ему... Да неизвестно, пойдет ли дело в ход; а то правого и виноватого отхоят, и ступай, почесывай спину: «Ты, дескать, не воруй, а ты не разевай рот, не беспокой начальство». Что и толковать! А вот сами миром, собором... лучше!..

Расскажу, братец ты мой, я тебе оказию, как, стало быть, наш мужик пить-то охоч, да здоров. Пьянствует так, не роди мать на площади!.. ахти!.. Знамо, для меня эвто лучше требовать нельзя! мне какое дело! По мне хочь (в рассуждении чего избави боже, защити мать пресвятая богородица всякого православного христианина), хочь на месте опеяся... мне все равно; что я, матка али дядька их, что ли?

Первым делом Покровский мужик замешан вот на чем: как значит, утро забрезжилось, заря еще не занималась, ни росинки во рту нет, глаз путем не прочистил, а уж чухает: как бы дерябнуть где да как бы объегорить

кого! Ежели надуть некого, тащит что-нибудь свое; а если есть – прижидает времечка. Одно слово, один под другим подкапывает, один другого поддевает. Так расскажу... историй, сударь мой, не оберешься... Хочь, к примеру, возьмем такого сорта материю: весенней порой нашей сходке нужно было решать, когда выезжать в поле, – запахивать землю? с которого дня? с легкого али еще с какого? У мужиков делалось все сообща: косить ли, жать ли, колодезь ли чистить, обманывать ли кого, всегда собиралась сходка. И прежде, как станут толковать, сложатся перва на четверть, ведерку, как какое дело потребуует, и почнут судить. Тут тоже, касательно запахиванья. Выпили они четверти с полторы, давай судить: «Как? что? когда?» Ну порешили таким манером: запахивать чтобы беспрременно в четверг, не в среду. «Смотри, мол, ребята, в четверг!» Так. После все разошлись по домам. Вот проходит понедельник, вторник. В среду, батюшка мой, и выезжает один мужик в поле (по чести сказать, бедный); помолился, занес соху и пошел пахать свою землю, сам озирается: не видит ли кто его; знает, что в се-

реду не положено. Пашет. Прошел ряд, другой, глядит: идет мужик; за плечами несет мешок с мукой.

– Здорово, кум.

– Здорово.

– Бог помочь.

– Спасибо.

– Что, рыхла земля-то?

– Рыхла... ничего... Земля добро... Знатная.

Прохожий мужик поглядел на небо:

– А что, небось теперь давно журавли прилетели? Ишь парит как!

– Таперь прилетели. Мишутка сказывал, недели две, как прилетели.

– Гм... Ну, прощавай.

– Прощавай.

И пошел мужик, идет дорогой да говорит:

– Постой ты у меня, я те журавлями такими попоштвую, другу-недругу закажешь по середам запахивать.

Приходит на село – прямо к старосте. Староста взял тросточку и ну ходить по дворам, постукивать под окнами:

– Эй! православные! ко цареву кабачку!..

Живо все собрались.

– Что?

– Да что? Федька запахивает землю.

– Как?

– Да так.

– Ребята! беги туда, к нему.

Человек шесть бросились в поле, подхватили у Федьки соху – и к кабаку. Я сижу под окошком, щелкаю подсолнышки, сам ухмыляюсь: «Мол, дружки!.. к чему прицепились».

– Ну-ко, – говорят, – Фадеич, отпусти две четвертки. Бог послал поживу: соху в поле нашли; вишь, до четверга забралась туда.

Я говорю: «Подите возьмите» (вижу, соха добрая). Две четверти невелика важность. Да смеюсь им: «Когда вы, бояре честные, перестанете кабак-от набивать всякою упряжью?»

– А все тогда же, – говорят, – когда нас на свете не будет.

Хорошо. Федька же, братец ты мой, стоит, смотрит на соху, так и дрожит: умолять не может сходку, а дрожит. Ну, ладно! Взяли мужики вино, выносят из кабака, а в сенцы ко мне волокут соху. Федька глянул на ее, да как бросится всем в ноги, кричит:

– Братцы! сошник хочь отдайте!.. Мужики

ему бают:

– Одначе ты, Федор Зобов, ловок; словно набитых дураков нашел; кабысь мы не знаем, что в сошнике все и дело-то!.. Ловок, нечего сказать!

Потом обращаются к нему:

– А вот, Федор Зобов, не хочешь ли с нами выпить? Ладней будет.

Мужик совсем отказался; стоит, не знает, что делать, растерялся. Опосле, выпивши, ему толкуют: «Э! Зобов... Соха куда ни шла! вещь нажитая... живы будем, сыты будем!» И то дело! А староста успел назюзиться переж всех: тычет палочкой в землю, себе бормочет: «Живы будем, сыты будем...» (Зобов Федька все молчит). Комиссия, Иван Иваныч, с эвтим народцем! Главная сила, любопытно смотреть на них, как расчагокаются, как расчагокаются, берись за бока да покачивайся. Так-то иное время долгонько не видишь никого, может не поверишь, ей-же-ей! скука берет... право! а показалась эвта сходка, чуешь, гвардия-то идет, размахивает руками... Ге, думаешь, вот они, голубчики!.. и ничего...

– Как же, Андрей Фадеич, а начальство

ежели?.. Ничего, что принимаете рухлядь всякую?.. чай, не показано...

– Знамо, не показано. Ты, Иван Иванович, гляди сюда: все эвти вещи разя держишь в кабаке? и-и!.. Кто же себе враг, живьем так-таки, и отправляешь куда след: имеешь на стороне ботворителя такого... Да ко мне хичь за полночь приезжай, хочь чиновник какой-ни крохи не найдет: все спущено! Тоже ведь надо налицо иметь деньги, как же быть? и раболепствуешь...

– Вот что...

– А ты полагал, у меня в кабаке-то лавка? шалишь!.. кажинную тряпку живьем на базар. Так-то, сударь мой. Ты бы лучше спросил вот о чем: что было бы нашему брату делать, ежели бы не было кабаков в селах? Что тогда?.. какая жизнь целовальнику была?.. Нешто понес бы тогда мужик за десять верст соху или женину поняву? Нет!.. А это милость божия, что несут: неси, пожалуйста!.. душа наша кривая, все прямая, и мед и тот прет.

– Расскажи-ко, Андрей Фадеич, еще какую историю; право, занятно.

– Как занятно-то, слушай!.. Выпьем-ко... Эй, Карпуша! дай нам другую парочку... Например, такого рода случай: в запрошлом году требовалось из нашего села выбрать ратника. Ну, здесь мужикам много не удалось попить; не на того напали. Сходка должна была выбрать ратника из своей братии, кого, значит, заблагорассудит. И сошлись они к кабаку. Староста похаживает посередке, понукивает:

– Что же? как? кого, ребята? надеть что ни на есть лядащего, понимая, вора какого али лошевода.

– Да знамо, – говорят, – кого ж больше, как не Петрушку Носа, что два раза в остроге сидел за покражу.

– Его!

– Ну его, так его! туда ему дорога... поделом, незымь его разгуляется... незымь!

Все согласились – и пошли было; только отошли шагов десять от кабака, один и кричит: «Стой, малый!» – сам думает. Мужики остановились: «Что?» – «Да вот что: оно Петрушку-то мы сдадим, да как бы не было худо; ведь ратников скоро обещались распустить по домам{8}; а Петрушка ежели воротится на-

зад, так подпустит красного петуха{9} – ша-баш!.. вот что сделает!» Мужики так, знаешь, и разинули рты: «Э, малый, заговорили, и впрямь так; не надуть: вор захочет, все сделает, – он своей головой не дорожит. Коли так, пускай идет Ахрем, он же на очереди». А Ахрем, Иван Иванович, точно был на очереди; но заирежде его совсем не думали отдавать, потому что одинокий был: никак человек шесть детей имел, мал мала вес меньше, жену (она в то время была брюхата), больше никого; а сам был хвор, нездоров. Иные из мужиков тут упирались, не хотели его сдавать; мол, на кого оросись семью? на что лучше – воры есть: иначе нет! Все порешили таким обычаем: ежели Ахрем не напоит допьяна всю слободу, и толковать много не след: в ратники! Я тебе докладывал, что так и чухают, с кого бы сорвать выпивку? Сам себе говорю: «Да! напоить всю слободу машина порядочная... кабы согласился!» Призывают Ахрема, сбились к кабаку.

– Ну, Ахрем, как полагаешь?

– Да что, – говорит, – ребята: у меня не токма что напоить всю деревню, – кажись, дома

жрать нечего! поди вон, ноне зиму последняя коровенка издохла; а на гумне ни былинки, ни травинки.

– Неужели уже на четыре ведра не достанет?

– Я ж вам баю, у меня вот до чего дошло: хлеба скоро не будет!

Мужики думают, соображают, как ухитриться?

– Это, – говорит один, – того... балы{10}, чтобы, к примеру, на четыре ведра не достало. Врет! вишь, гнет экося окоlesiцу: трескать нечего! Одно калянство, упрямость одна. Не хотца попоштовать...

– И то, малый, – заговорили все. – Ежели бы боялся ратников, последние колеса заложил да поднес бы. Верно, не боится, а не боится – не трожь, идет!

Тем и покончили. Меж тем пошли они к Петрушке Носу, к вору, говорят ему: «Пожертвуй, Петр Анисимыч, на ведерку: остаешься, голубчик... мы тебя пожалели; малый-то ты добрый. Ахрем за тебя идет». И сдернули с Носа, только не ведерку (ведерки не дал, собачий сын), а всего пол-осьмухи.

Опосле, братец ты мой, как повезли Ахрема, смех!.. окружили его телегу, шумят: «Прощавай, Ахрем! вся причина, не помышляй много... не отчаявайся!.. Слышь, царь-батюшка обещал ратников скоро воротить».

Ахрем сидит, сам утирает слезы... Жена его шибко убивалась! от телеги-то никак не отволокут...

Он не воротился назад. До Ливен почитай дошел, идучи из Севастополи; передовым будучи, песни играл и говорил своему земляку: «Микит! придем в свой город, надену красную рубаху, пойдём песни заиграем». (Что на уме-то подержал!) А Микита говорит: «Хорошо, Ахрем, как велит бог дойти до своего города, я заприметил, что ты пить воду бестолков». Он, глядь, под Ливнами попил воды и скочурился.

Я панахвидку об нем отслужил в Туле; ездил упряжь разную продавать...

Мужики наши услышали про смерть его, рассуждают, стоят у кабака: «Верно, на роду ему напечатано, что не воротится: другие вон воротились». Хе, хе, хе, хе... Обращаюсь к ним из окошка: «Что ж, ребята, товарищ-то ваш

воротился?» Стоят, почесывают виски: «Нет, не воротился...» – «Соломатники!{11} говорю им, что бы вам тогда урезонить его? и сами бы населезенились, и товарищ был бы цел». – «Такой, говорят, каменный попался...»

Одно слово, день-деньской шлятся, то и норовят, как бы попьанствовать, взогреть кого. Смотрю на них: ну корову за рога! али имущество какое; чего дремать? Однава, что ты думаешь? вот чудо! Сидят они супротив кабака на срубленном дубу и говорят о чем-то; смекают, должно, дерябнуть... сидят, думают. Думали, думали да взяли пропили дуб, на котором сидели, – бог свидетель! вот, дивись, колено какое сотворили... Что значит замысловатый народ-от. Мне же и невдомек об дубе: где целый валялся, общий – ихний, его и колыхнули! Отпущаю вино, говорю:

– Ишь дерево-то!.. Я об нем словно и забыл; без призору совсем валялось.

– Мы, – бают мужики, – думали, что ты не примешь.

– Какой? подавай знай!.. толковать там!

Опосле облапили меня, кричат: «Заступитель! отец!» ха, ха, ха... Стало быть, уважение

им делаю. А за дуб-от я в тот же день дал пятак свезть в город и получил билетиками три целковых. У меня будь знаком, ходи дальше!

Да, Иван Иваныч, житье было хорошее, хорошее... знатное житье... Кажинный раз продовольствие чувствовал: пей, ешь сколько влезет; и карман никогда засухи не видывал.

А вот, доложу тебе, ежели у кабака не приходится иметь дела, положим дождь ежели идет али сиверка{12}, ненастье, так мужики собирались в ригу, недалече стоит она, пустая: громадища такая, на каменном фундаменте построена. Над воротами же у ней содержится надпись такого происшествия, написано: «Вход в сарай... для, теперича, угощения и поштванья крестьян покровских вином из питейного кабака с продажею пива». Как то есть важно выведено! грамотей какой-то постарался.

Раз летом, во время дождика, мужики заключались в эвтой самой риге, сидели, запивали наемные луга; десятин пятнадцать купили, и попойка была богатая: три ведра взяли. Народу собралось много; был там с ними тоже вкладчик, отставной дьячок, он нахо-

дился для потехи больше: веселил компанию. Еще некий мужик Еремка. Он слыл запева-
лой; мухортный{13} такой мужичонка: на вид
две денежки, грош сдачи. Но пел ловко; как
зальется: «Сидит ворон на березе», – унеси ты
мое горе! аки певчий какой, и руку приложит
к виску. Дьячок же петь вовсе не умел; за то,
говорят, и отставили его, что уши в церкви
драл до самой до болятки... А игрец был ли-
хой: захочет откачать вприсядку, откачает!
сдествует миловидно: смотри! и больше –
прибаутки сочинял. Мой кабак он все звал
«капернаум{14}... пойдём в капернаум». Вча-
стую мужиков учил, чтобы как можно пошиб-
че пьянствовать: «Я, говорит, однава ехал из
Тулы, когда на шест садились куры (дьячок
стихами бесперечь говорил). Пришло мне на
ум заехать в капернаум. Хорошо. Тогда я за-
ехал в харчевню, лошадь женнюю пропил:
потом телегу с хомутом, седелку с кнутом, уз-
ду с махрами, дугу с вожжами, чулки с сапога-
ми, хе, хе, хе... мешки с пирогами, трубку с чу-
буком, кисет с табаком». Подлинно, Иван Ива-
ныч, оно было так: он дочиста пропился, ма-
ленько только жаль, что не у меня, а в Ани-

пином кабаке; но вот что случилось с ним в нашем селе: некогда Руднев «принял на себя труд гонять лошадей своих на пруд; он с пруда домой пошел, на пути в кабак зашел». И пропил, батюшка ты мой, как бы тебе сказать, не солгать, что бишь... дай бог память... забыл... нет; да что же я? я-то что? Гнедую кобылу пропил... Он было хотел саврасую; но я не взял, почему что жеребая лошадь: где мне с ней возжаться? Он, сударь мой, и пропил гнедую. Ну, таким манером гуляли мужики в своей риге; я тебе хочу рассказать про одно воровство. Ворой мужики больно презирали: попался вор, аминь! лучше улепетывай куда подальше: всего оберут, последние сапожонки снимут. Про дьяка будет речь впереди, мы порасскажем про Еремку-запевалу. Когда все в риге шумели, кричали, смеялись на Руднева, иные боролись, иные плясали, хозяин той риги вдруг как заорет во все горло:

– Ребята! стой! несчастье приключилось. Все в одну минуту притихли.

– Что?

– Пропажа сделалась.

– Где? кто? где?

– Здесь. От ворот замок пропал.

– Обыскивать!

– Обыскивать! Обыскивать!

– В кружок!

– Становитесь в кружок!

Пошла работа: давай обыскивать всех дочиста. Сейчас ворота приперли, стали в кружок: «Раздевайся!» Старосту первого... посмотрели – нет! другого – тоже нет. Третьего, четвертого... С кажинного снимали чекмени, сапоги, у дьячка за галстуком осведомились. Вот Еремка-запевало видит, что до него очередь доходит – шмыг замок в сторону... отбросил. Сам, ни в чем будто не бывало, стоит, кричит: «Обыскивай кругом!» ан дело-то и сметили.

– Ты что бросил?

– Ничего.

– Врешь! ты бросил вот замок.

– Я не бросал.

– Васька, ты видел? бери, держи, вяжи!..

И уж как все обрадовались вору-то, как ба-
тюшке родному.

– Веди к кабаку!

Грязь на улице, – ничего! прут гурьбой. До-

скреблись до кабака. Крепко держат вора.

– Ну, малка, как?

– Да много разговаривать нечего: бегите к нему домой, везите телегу.

Вор бросился бухать в ноги то тому, то другому. Нет, поздно. Староста дал ему в спину, чтоб попусту не вякал. Привезли телегу: телега, Иван Иваныч, новая и такая, знаешь, всё с резьбой. На Миколу я продал ее веневскому ямщику за четырнадцать рублей. Важная посудина!

– Ну, сколько же вам? – говорю.

– Три ведра!

– Ведро, больше не дам; поверенный бранится, спрашивает: «Куда так много вина выходит, слышь?»

– Давай хоть ведро, – кричат.

Я отпустил; телегу живо отправил на постоянный двор к куманьку. Вот они у меня в сенях принялись пить; сажают с собою Еремку-вора. Он не отказывается; присуседился к ним. Дьячок за прибаутки взялся; поднялось веселье, куда что!.. Некоторые спрашивают у Еремки:

– Ну, что? таперь не будешь воровать?

– Я, ребята, право слово пошутил, – говорит. Мужики отвечают:

– Да и мы шутим с тобой. Коли ж не шутим? Ведь тебя бы следовало драть, домового; а мы, вишь, что делаем? угощаем твою милость. За эвто, мотри, чтобы ты нам спел песню.

– Нет, братцы, сил не хватает.

– Врешь, споешь, чертов сын. У нас благим матом затянешь.

Точно; как нализался Еремка, все позабыл: играл пески напропалую. Когда мужики распили вино, начали они придумывать, чинить совет, что бы еще пропить у вора. Народец эв-тот чем больше пьет, то больше ожесточается, входит в настоящую силу: норовит натесаться до самого нельзя... Кричит:

– Ребята! иди опять к Еремке: бери, что на дворе увидишь.

А вор Еремка захмелел: кабыть ополоумил совсем, орет:

– Там, – говорит, – у меня передки от водовозки стоять, цопай их сюда; смотри овцу не вздумай прнвесть али живота какого.

– Ладно, – говорят мужики.

Гляжу в окно: один везет передки, другой ведет овцу. Помираю со смеху:

– Сколько? – спрашиваю.

– Ведро!

– Полведра!

– Давай!

И пошли гулять; дождик тут перестал маленько; вышли на улицу; вино поставили на траву, и кто во что!.. Еремку заставили песню играть: он подбоченился, разинул пасть, задрал, закатился в вышину (голос звонкий), подхватили-трогай! Только по всему селу раздается. Горланили, горланили, – перестали. Обратились к дьячку.

– Ну-кася, Руднев, следствуй трепака! кажи нам, где раки зимуют.

Дьячок подобрал полы, невзирая на грязь, ударил трепака. «В обмочку, кричат, в обмочку». Согнул колена, зачал в обмочку[1] ногами вывертывать; сам прибирает: «Ходи, изба, ходи, печь, хозяину негде лечь...» Веселье поднялось такое!.. На селе бабы, девки выступили из домов, смотрят... истинно праздник! А тут же промеж сходки кто цалуется, кто лезет к рылу с кулаками; известно, пьяному чего не

взбредет на ум!

Между эвтим вино опять вышло все; спохватились они, сбились в кучу, шумят: «А что, малый, почто вор-то не поштвует нас? Забыл? мы не токма пропьем догола весь дом его, в острог упрячем: воров не приказано держать в деревне!»

Послали в третий раз к Еремке на дом. Он же ничего не слышит, не чует и знать не хочет: топчется в грязи ногами, покручивает платком на воздухе.

Через четверть часа, смотрю, ведут жеребенка (стригунок чаленький, – славная скотинка). И какая, Иван Иваныч, история: здесь мужики берут у меня вино, а Еремка, еле жив, увидал своего жеребенка, подошел к нему, заломил шапку набок и кричит: «Ты зачем сюда? а? вон пошел отсюда! Вина захотел? Ты у меня не смей... Чтобы эвтого не было... Ни, ни... Хозяин будет пьянствовать и лошади тоже?.. прочь пошел!» Потом: «Коняш, коняш!..» – комедия!

А как разведаль, что его жеребенка пропивают, облапил его за шею и говорит: «Вот оно что!.. прощавай же, коняшка! Родимая моя!..»

Верно, судьба твоя такая... плохая... пропьют тебя мужики – черти... Вишь, жеребятины, дьяволы, захотели».

Как взяли мужики еще ведро – ну гулять! Я тебе говорю, праздника веселей.

К вечеру все так натискались, нарезались, ног не волокут: растянулись у кабака на грязи и хрюкают... Один бормочет, насилу язык поворачивает: «А! говорит, попался... Не воруй! поделом вору мука...» Еремка же, братец мой, то-то разбойник!.. лег носом в грязь и тоже кричит: «Не воруй!» Ха, ха, ха... Чудеса!..

Вот так-то пьянствуют, – коси малина! Кажинный почесть день гульба, кажинный день: подрался кто – выпивка! Скотина на чужой огород зашла – выпивка! Чья собака взбесилась – опять выпивка! К примеру, вечером пьют, ране идут опохмеляться; таким обычаем зарядят недели на три! От кабака совсем не отходят; при нем и днюют. Один мужик, слышь, до того пропился, что приходит одна ко мне в кабак с мешком в руках и говорит:

– Фадеич! дай полштофик. Я тебе штуку принес.

– Какую?

– Да вот... (и развязывает мешок). Боюсь, что ты не возьмешь.

– Ну-ко, покажи.

Гляжу, в мешке собака. Залился я со смеху.

– Ах ты, – говорю, – молодец, молодец!.. С чем привалил... Нет, под эвти сбруи мы не даем...

Через никак день он стоворился, с дьячком Рудневым меня обокрасть, выкачать вино из бочек. Действительно, в полночь в самую они подступили к кабаку, проломали в крыше щель, залезли в сени, где стояли бочки, выкачали семь ведер и только было стали отправляться, как в то время нагрянула на них сходка. Она подкараулила дружков. (Я сплю; ничего не слышу.)

– Что несешь?

Воры смешались. Говорят сходке:

– Ребята! вот вам три ведра, отвяжитесь.

– Давай!

Сходка взяла три ведра и идет к кабаку. Воры как раз останавливают мужиков, говорят: «Куда вы? Ступайте дальше от кабака; целовальник неравно узнает: он все скрость брю-

хо-то у тебя видит». Сходка говорит: «Небойсь не увидит. Мы тихо разопьем». (Я все сплю.) Подсели мужики к кабаку и принялись за литру. Перва тихо шло, а как напились, давай шуметь, потом засучили рукава да драться. Слушаю: что за крик? Выбегаю в одной рубахе; такое несказанное пьянство!

– Ребята, – говорю, – вы воровать!..

– Кой черт, воровать!.. – И рассказали мне все как следует, докладывают только: «Мы с тем уговором, Фадеич, тебе открыли, чтобы ведро нам за работу».

– За ведром не постоим; а где теперь они?

– У дьячка.

Народом нахлынули мы на дьячков дом и слаудили{15} воров. Мужик, что собаку-то приносил, вывернулся, оправдался перед начальством, а обвинил одного дьячка. Его представили в острог.

Перед отъездом он как нешто отзванивал трепака! приговаривал: «Эх, прощай, голубчик Ваня, скоро будет тебе баня!..» Его Иваном звали.

Так-то, сударь ты мой, Иван Иваныч; такие-то дела! Да, хорошо, очень хорошо было

жить в Покровском. Вспомнить любо!

Молчание.

– А что, Андрей Фадеич? Слушал я тебя, слушал, знаешь ли, что пришло мне в голову? Брошу я кошатничать!{16} наймусь-ко я себе в целовальники! такой жизни я, признаться, нигде не слыхивал...

– И отменно сделаешь. Один тебе совет от меня, выбирай кабак не тот, что в поле стоит, а в селе: как в бывшем моем Покровском; да спуску ничему не давай!..

1858

Примечания

1

Вприсядку. (Примеч. Н.В. Успенского.)

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Целовальник – продавец вина в казенном питейном доме (кабаке).

[^^^]

2

Чуйка – длинный кафтан халатного покроя.

[^^^]

3

Егорьев день (он же Юрьев день) – 23 апреля (весенний), 26 ноября (зимний) по ст. ст.

[^^^]

4

Одноворец – государственный крестьянин особой группы, занимавшей промежуточное положение между крестьянами и мелкопоместными дворянами.

[^^^]

5

Стыдь – стужа (обл).

[^^^]

6

Шкалка (шкалик), *косушка* – кабацкие меры вина, водки.

[^^^]

7

Понява – разновидность крестьянской юбки.

[^^^]

8

...Ратников скоро обещались распустить по домам – действие рассказа происходит во время Крымской войны 1853–1856 годов.

[^^^]

9

...Подпустит красного петуха – то есть подожжет.

[^^^]

10

Балы – рассказы, неправда (обл.).

[^^^]

11

Соломатники (саламатники) – любители саламаты, то есть жидкого киселя, размазни (бран.).

[^^^]

12

Сиверка – холодная и мокрая погода при северном ветре.

[^^^]

13

Мухортный – невзрачный, хилый человек; замухрышка.

[^^^]

14

Капернаум – город в Галилее, население которого, по библейской легенде, несмотря на все творимые Иисусом Христом чудеса, осталось глухим к его учению.

[^^^]

15

Слаудить – вытащить.

[^^^]

16

Кошатничать (коштанничать) – быть ходатаем по мирским делам.

[^^^]

[^^^]